

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА ЭТИКИ

ISSN 2411-6513

Проблемы этики

Философско-этический альманах

Выпуск V

Материалы конференции

«Моральная ответственность в современном мире»
посвященной 75-летию академика РАН А.А. Гусейнова

Москва

2015

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
<i>И.А. Гобозов.</i> Ответственность философа и глобализация	5
<i>В.И. Бакитановский, М.В. Богданова.</i> Ответственность университета: гуманитарная экспертиза стратегий его модернизации.....	20
<i>А.В. Разин.</i> Глобальный мир и взаимная ответственность.....	33
<i>Т.М. Махаматов.</i> Моральная ответственность и гражданственность...	46
<i>Р.Г. Апресян.</i> Важность идеи признания для понимания морали.....	55
<i>В.М. Артемов.</i> Ответственность как важнейшая составляющая зрелой свободы личности	68
<i>О.П. Зубец.</i> Ответственность за все.....	79
<i>О.В. Артемьева.</i> Добродетель и ответственность	95
<i>Г.Н. Мехед.</i> Абсолютная этика и границы моральной ответственности.....	109
<i>Е.Н. Болотникова.</i> Забота о себе как ответственность перед самим собой.....	124
<i>Л.Ю. Пионткевич.</i> Тема моральной ответственности в этике И. Канта.....	137
<i>А.В. Прокофьев.</i> Справедливая война как наказание агрессора	153
<i>И.А. Авдеева.</i> Метод определения ценностных предпочтений П. Тагарда и его задачи.....	168
<i>Д.А. Гусев.</i> Корпоративная социальная ответственность: новые форматы и контексты	182
<i>К.Е. Троицкий.</i> Этика ответственности и этика убеждения: конфликт или единство	196
<i>О.В. Попова.</i> Биотехнологическое конструирование человека: этико-философские проблемы	209
<i>А.А. Гусейнов.</i> О состоянии современной отечественной этики (Заметки на полях конференции).....	228
Сведения об авторах	249

О.В. Артемьева

Сектор этики
Институт философии Российской академия наук
ethics2004@mail.ru

Добродетель и ответственность¹³

Аннотация: В статье реконструируются и анализируются критические аргументы, выдвигаемые этикой добродетели против понимания ответственности в этике принципов и правил. Автор показывает, что и позиция этики добродетели по проблеме ответственности не избавляет ее от ряда теоретических трудностей, связанных, в частности, с идентификацией безусловно недопустимых поступков.

Ключевые слова: добродетель, ответственность, этика добродетели, этика принципов.

В работе «Современная моральная философия» [1] Г.Э.М. Энском, выступая против доминирующего в западной философии типа этической теории — этики закона, основу которого составляют понятия долга, обязанности и т.п., в числе фундаментальных его недостатков называет консеквенциалистское понимание ответственности. Под консеквенциализмом Энском понимает не отдельное направление в этике, а общую черту всех современных английских этических концепций. Главная особенность консеквенциалистского подхода к трактовке ответственности состоит в утверждении, что предмет ответственности составляют последствия поступка, а не поступок как таковой. Если последствия окажутся достаточно хорошими (полезными) в конкретных обстоятельствах, они полностью компенсируют порочную природу поступка. В строгом смысле слова консеквенциализм вообще

---

¹³ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Моральная императивность: источники, природа, формы репрезентации», осуществляемого при поддержке РГНФ, грант № 14–03–00429.

не допускает признания за поступком какой бы то ни было природы: если нравственное качество поступка всецело определяется последствиями, тогда неуместно говорить о порочном, как и добродетельном, действии самом по себе. Естественное логическое продолжение такого понимания Энском видит в консеквенциалистском отрицании безусловно, т.е. ни при каких обстоятельствах не допустимых, поступков — любой поступок оправдан, если ведет к положительным результатам. Особым признаком консеквенциалистского мышления Энском считает переход в описании действий с конкретно-содержательных характеристик — как справедливых или несправедливых, честных или бесчестных, мужественных или трусливых и т.д. на абстрактные характеристики правильного и неправильного. Эти два ряда характеристик в консеквенциализме независимы друг от друга: если действие привело к положительным результатам, оно считается правильным и похвальным, даже если было, например, несправедливым. Использование абстрактных понятий в описании действий лишает их нравственной определенности, собственно нравственного качества. Моральный субъект не отвечает за нравственное качество поступка, он несет ответственность исключительно за полезность результата.

Решительный переход к консеквенциализму в этике Энском обнаруживает в моральной философии Генри Сиджвика — автора знаменитых «Методов этики». Следует отметить, что Сиджвик, конечно, не формулировал и не отстаивал тех положений, которые Энском считала ключевыми для консеквенциализма, однако, по ее убеждению, именно Сиджвик обеспечил теоретические условия для его утверждения и развития, прежде всего предложив особое понимание намерения (*intention*). Новация Сиджвика состояла, в частности, в том, что он исключил из понятия намерения те последствия поступка, которые моральный субъект не предвидел. Сиджвик отделил понятие намерения от мотива, трактуемого как желание (стремление) при совершении поступка достичь определенных целей или результатов, и включил в него «все предвидимые последствия действия, как неизбежные, так и возможные» [2]. Различение между мотивом и намерением Сиджвик провел в це-

лях строгого определения предмета моральной ответственности. Если поступок морального субъекта привел к дурным последствиям, которые он предвидел хотя бы в качестве маловероятных и при этом не желал их осуществления (т.е. у него не было мотива для совершения действия с такими именно последствиями), за эти нежеланные последствия он несет всю полноту ответственности. Отсутствие желания дурных последствий от ответственности не освобождают. Для разъяснения своей позиции Сиджвик приводит в качестве примера поступок нигилиста, который подрывает поезд с императором и другими людьми. Намерение нигилиста включало убийство императора, за которое он готов отвечать, смерть же остальных людей он воспринимает как трагическую случайность на пути достижения великих революционных целей, о которой глубоко сожалеет. Однако при том, что нигилист не желал смерти пассажиров императорского поезда, он не мог не осознавать того, что в результате взрыва они погибнут. Поэтому, согласно Сиджвику, следует признать, что гибель всех находившихся в поезде людей не может быть исключена из намерений нигилиста и он полностью за эту гибель отвечает¹⁴.

Признание относительной взаимной независимости понятий намерения и мотива, стало основанием для утверждения Сиджвика, что в определенных обстоятельствах намерение и мотив при выборе и совершении одного и того же поступка могут обладать разными моральными качествами, а именно — намерение может быть морально обоснованным, а мотив — злым и наоборот. Апеллируя к примеру, приводимому Бенхамом, Сиджвик замечает, что если судья выносит обвинительный приговор преступнику в полном соответствии с законом, но делает это не во имя правосудия, а из личной неприязни, желания отомстить и т.п., то намерение наказать следует расценивать как правильное, а мотив — как злой. В случае же лжесвидетельства ради спасения близкого человека (в примере Сиджвика — родителя или благодетеля), напротив, мотив — желание спасти близкого человека — оказывается добрым, а намерение — ввести правосудие в заблуждение — морально пре-

---

¹⁴ Ibid. P. 202n1.

досудительным. Намерение, как считает Сиджвик, является определяющим для моральной оценки поступка. Однако и мотив в некоторой степени влияет на его качество. Скажем, описанный выше поступок судьи нельзя считать морально безупречным, даже если дурной мотив не побудил судью к вынесению несоразмерного преступлению, т.е. несправедливого, приговора. При том, что мотив влияет на оценку поступка, предметом ответственности, по убеждению Сиджвика, являются не мотивы, а намерения — все предвидимые в момент принятия решения реальные последствия. Сиджвик стремился подчеркнуть, что наличие доброго мотива, как и отсутствие злого, не избавляет от ответственности за все действительные последствия поступка, если моральный субъект предполагал, что они возможны.

Энском крайне критично относилась к Сиджвиковскому пониманию намерения, осознавая при этом, что Сиджвик стремился выразить мысль, которую разделяют многие, в том числе и она сама, а именно: «в вопросе об ответственности человека за то, что он предвидел, никакого значения не имеет то обстоятельство, что он не желал этого ни как цели своего действия, ни как средства ее достижения»¹⁵. И хотя она признавала, что с данным тезисом едва ли можно спорить, все же считала его излишне назидательным, а назидательность — признаком вырождающейся мысли. Главный же изъян позиции Сиджвика она видела, конечно, не в назидательности, а в том, что отождествление понятия намерения с предвидимыми последствиями, и ограничение предмета ответственности намерениями, неоправданно сужает ее сферу и по существу разрушает само понятие ответственности.

Для разъяснения своей мысли Энском рассматривает следующую гипотетическую ситуацию. Человек, заботящийся о младенце, в силу обстоятельств оказывается перед выбором — продолжать заботиться о нем или прекратить заботу ради какой-то цели или из-за необходимости отправиться в тюрьму. Условия ситуации таковы, что в последнем случае избежать тюрьмы можно лишь в

---

¹⁵ Энском Э. Современная моральная философия // Указ. изд. С. 81. Перевод скорректирован по изданию: *Anscombe G.E.M. Modern Moral Philosophy* // Op. cit. P. 9.

результате совершения постыдного поступка. Энском не вдается в детали ситуации, но можно предположить, что таким поступком может быть перекладывание собственной вины в совершенном когда-то преступлении на другого — невиновного, кому вроде бы нельзя навредить оговором, так как он, по сведениям заботящегося о ребенке человека (в достоверности которых он не сомневается), либо умер, либо находится в недостижимой для представитель власти стране. Энском считает, что в контексте Сиджвиковского понимания невозможно провести различия между отказом заботиться о ребенке просто потому, что заботящемуся это надоело, и отказом продолжать заботу в силу убежденности в том, что совершать постыдный поступок, в данном случае — оговор невиновного человека — недопустимо ни при каких обстоятельствах. Поскольку поступки оцениваются в свете ожидаемых последствий, то сами по себе они не могут быть ни похвальными, ни постыдными. Остается лишь взвешивать последствия возможных альтернатив действия, и на основе такого взвешивания принимать решение. В данном примере наиболее вероятным окажется решение переложить собственную вину на невиновного, так как никаких негативных последствий при таком решении не предвидится. А если расчет на то, что невинный не пострадает от оговора, не оправдается, тот окажется живым, или вернется из другой страны, будет схвачен и несправедливо наказан, то по логике Сиджвика, оговоривший невиновного не должен нести ответственности за последствия своего поступка, так как не просто не желал, но и не предвидел их. По убеждению же Энском, эта логика порочна, поскольку следуя ей, «каждый может снять с себя ответственность за *действительные* последствия самых постыдных действий, если сумеет сделать вид, что не предвидел их»¹⁶. В про-

---

¹⁶ Энском Э. Современная моральная философия // Указ. изд. С. 82. Перевод скорректирован по изданию: *Anscombe G.E.M. Modern Moral Philosophy* // Op. cit. P. 10.

Это утверждение Энском, как и ряд других, свидетельствует о том, что она склонна к смешению юридического и морального контекстов рассуждения. В отношении понятия ответственности она мыслит так, как если бы *моральную* ответственность налагали исключительно извне, как в случае административной или уголовной ответственности за совершение правонарушений. Отсюда и воз-

тивовес консеквенциалистскому пониманию ответственности Энском подчеркивает, что моральный субъект отвечает не за «ожидаемые последствия», а за поступок как таковой, что же касается последствий, то он «отвечает за плохие последствия своих плохих действий, но их хорошие последствия — не его заслуга; и наоборот, он не отвечает за плохие последствия хороших действий»¹⁷. Положительные результаты дурных поступков связаны с этими поступками случайным образом, поэтому не могут быть вменены в заслугу моральному субъекту. Так же случайно дурные последствия связаны с хорошими действиями, поэтому моральный субъект не несет за них ответственность и они не могут быть вменены ему в вину.

Позиция Сиджвика, конечно, не была такой бесхитростной, какой ее представила Энском. С его точки зрения, поступки имеют сложную структуру, они не определяются единственным мотивом и единственным намерением. Отвечая на претензию Энском, Сиджвик мог бы сказать, что в ее примере оговор как таковой, несомненно, входит в число намерений, наряду со стремлением обеспечить заботу о младенце, и составляет предмет ответственности. Если моральный субъект, по логике Сиджвика, не несет ответственности за последствия своего поступка, которые он не предвидел, то за сам оговор полностью отвечает. Точно так же, как в приведенном выше собственном примере Сиджвика лжесвидетельство наряду со стремлением спасти близкого человека определяет намерение морального субъекта и полностью входит в сферу его ответственности¹⁸.

никает то представление, что субъект может снять с себя ответственность, «сделав вид», что не предвидел последствий. «Сделав вид», можно ввести в заблуждение других, но не себя самого. Однако не другие возлагают или снимают моральную ответственность с субъекта, не их вердикт здесь является решающим, а вердикт самого морального субъекта, который всегда знает, предвидел он или нет последствия своего поступка.

¹⁷ Энском Э. Современная моральная философия // Указ. изд. С. 82.

¹⁸ Позиция Сиджвика в данном случае созвучна той мысли Гегеля, что любой поступок имеет как необходимые, имманентные ему, так и случайные последствия. Необходимые — те, которые задаются «душой», целью поступка и принадлежат ему, составляют его смысл, или и есть сам поступок: «поэтому поступок не может отречься от них или презирать их». Случайные последствия обуслов-

Сиджвик специально четко и определенно проговаривает ту мысль, что при устремленности к морально похвальным или просто позволительным целям недопустимо использовать постыдные средства: «... общее намерение достигать цели с помощью дурных (wrong) средств в случае необходимости ... — это несомненно дурное намерение» [2, 203]. Иными словами, Сиджвик, конечно, отдает себе отчет в том, что есть действия, совершать которые неправильно даже ради достижения морально допустимых или обоснованных целей и за совершение которых моральный субъект несет всю полноту ответственности вне зависимости от того, к каким реальным результатам привели эти действия. Энском, однако, права в том, что сама логика позиции Сиджвика допускает возможность выбора постыдного поступка, если его последствия окажутся существенно более благоприятными в сравнении с последствиями альтернативного поступка. По-другому говоря, в логике консеквенциалистских концепций, действительно любые поступки при соответствующих обстоятельствах признаются допустимыми и оправданными. Энском подчеркивает, что такой вывод неизбежно следует из консеквенциалистских теорий, даже если отдельные философы прямо не формулируют таких утверждений или выражают свое решительное несогласие с ними. Дж.Э. Мур и «последующие моралисты Англии» определяют правильное действие как такое, которое «производит наилучшие возможные последствия (причисляя к последствиям внутренние ценности (intrinsic values), приписанные определенным видам действия некоторыми “объективистами”»)¹⁹. Однако один из таких объективистов — У.Д. Росс открыто признает, что осуждение невиновного не настолько постыдный поступок, чтобы соображения

лены тем, что «поступок в качестве положенной во *внешнее бытие* цели отдан во власть внешним силам», они «не имеют отношения к природе поступка» в результате чего он переходит в «отдаленные, чуждые ему последствия». Поэтому, по убеждению Гегеля, «воля имеет также право вменять себе лишь первые последствия, ибо лишь они входят в ее *умысел*». (См.: *Гегель Г.В.Ф. Философия права*. М.: Мысль, 1990. С. 162–163).

¹⁹ Энском Э. Современная моральная философия // Указ. изд. С. 79. Перевод скорректирован по изданию: *Anscombe G.E.M. Modern Moral Philosophy* // Op. cit. P. 7–8.

национального интереса в чрезвычайной ситуации не могли перевесить убежденность в его недопустимости. Тем самым значимость каких бы то ни было «внутренних ценностей» поступков полностью нивелируется²⁰. Поэтому, по убеждению Энском, несмотря на любые оговорки, уточнения и разъяснения, современная моральная философия после Сиджвика по существу снимает с человека ответственность за дурные поступки, а само представление о дурном поступке и в общем смысле — о критерии добра и зла размывается, становится неопределенным. В той мере, в какой это происходит, мораль утрачивает свою значимость, а употребление моральных понятий становится не просто бессмысленным, но и вредным — оно лишь вводит в заблуждение, затемняет действительное значение поступков, моральные понятия часто используются для оправдания тех из них, которые попирают смысл морали.

Примечательно, что хотя Энском критиковала Сиджвика за назидательность, сама она указывает не столько на теоретическую, сколько на *моральную* несостоятельность консеквенциализма, которую считает достаточным основанием для того, чтобы решительно отказаться от современной моральной философии в пользу принципиально иной этической теории.

Альтернативы современной моральной философии Энском обнаруживает в прошлом, в частности, в иудео-христианской культуре — в этике божественного закона. Современная моральная философия унаследовала ее язык — язык норм, должного, но утратила контекст, породивший этот язык и наделивший его значением. Одно из главных отличий этики божественного закона от современной моральной философии Энском видит именно в том, что она задавала определенное содержание, которое формулируется божественным законодателем и предъявляется в законе. Божественный законодатель утверждал своим авторитетом абсолютность и безусловность предъявляемых человеку законом *содержательных* требований — норм, вне веры в божественного законодателя этика закона невозможна. Нормы задавали четкий

---

²⁰ См.: Энском Э. Современная моральная философия // Указ. изд. С. 79, сноска 5.

критерий добра и зла, определяли типы безусловно недопустимых поступков, среди которых — убийство невинного, наказание за чужую вину, предательство и пр. Божественный законодатель накладывал на эти типы поступков безусловный запрет — и не потому, что они вели к нежелательным последствиям, или не соответствовали какому-либо принципу, а просто в силу самого их характера. Неправильно было бы считать, что данные поступки недопустимы по причине того, что божественный законодатель накладывает на них запрет. Логика запрета совсем другая: божественный законодатель накладывает на них строгий запрет именно в силу того, что по своей природе они не допустимы. Смысл этой строгости, согласно Энском, состоял в том, что при выборе поступка человека *«не должны искушать ни боязнь последствий, ни надежда на них»*²¹.

При утрате теологического контекста понятия современной этики оказались формальными и абстрактными, что в свою очередь открыло возможность наполнения их каким угодно содержанием. Энском отдает себе отчет в том, что теологический контекст в современной культуре восстановить невозможно, именно поэтому, по ее убеждению, от этики закона следует отказаться. Надежду на преодоление кризиса Энском связывает с этикой, которая будет строиться не на основе ключевых для этики закона понятий, а на основе понятия добродетели: *«Остается искать “нормы” в добродетелях человека: точно в том смысле, в каком количество зубов у человека соответствует, конечно не среднему арифметическому количеству зубов всех людей, а количеству зубов, характерному для особи человеческого рода, возможно и человеческий род, рассматриваемый с точки зрения не одной только биологии, но и с точки зрения деятельности мышления и совершения выбора во всех жизненных сферах, т.е. с точки зрения сил и способностей, использования необходимых вещей, “обладает” такими-то добродетелями: и этот “человек” с полным набором добродетелей является “нормой”, как нормой является “человек”, например, с пол-*

---

²¹ *Anscombe G.E.M. Modern Moral Philosophy. P. 10.*

ным набором зубов»²². Существенное преимущество данного подхода Энском видит в том, что здесь понятие нормы никак не ассоциируется с должным, правильным и пр. бессодержательными понятиями, в нем преодолевается формальность и абстрактность — нормы наполняются конкретным содержанием, тем самым этика добродетели восстанавливает содержательное понимание морали, утраченное в Новое время. Вместо пустых понятий морально правильного и неправильного и т.п., она использует понятия правдивого и лживого, целомудренного и распутного, справедливого и несправедливого и т.д. Если принимая решение в отношении совершения поступка, моральный субъект будет исходить не из того, является ли это действие правильными или неправильным, а из того, является ли оно, скажем, справедливым или нет, выбор (если речь идет именно о моральном по содержанию выборе) будет очевидным. Характеристики правильного и неправильного могут использоваться в этике добродетели при четком понимании того, что они встроены в понятия добродетели и порока, всецело и непосредственно детерминированы ими.

Соответствующим образом в этике добродетели трактуется и ответственность: ее предмет составляет конкретное, строго определенное содержание поступка, включая те его последствия, которые необходимым образом заключены в нем самом. Моральный субъект отвечает за нравственное качество действия — за его справедливость и несправедливость, мужественность или трусливость и т.п., а не за полезность или вредность результатов, к которым оно может привести в силу самых разных случайных обстоятельств.

Позицию Энском неправильно было бы интерпретировать в том духе, что согласно ей, моральный субъект не несет ответственности за последствия своих поступков за исключением тех, которые определяются самой их природой, и не должен принимать во внимание конкретные обстоятельства совершения поступка, определяемые этими обстоятельствами возможности и последствия, на которые эти обстоятельства и возможности могут повли-

---

²² Ibid. P. 12.

ять. Более того, Эנסком допускает, что в ряде ситуаций человек может отступать от канонов добродетельных поступков, и это отступление иногда правомерно считают морально оправданным. Например, возможны ситуации, когда действия, в обычных условиях считающиеся проявлениями несправедливости (невыплата долга в срок или даже отъем и использование чужой собственности, нарушение договоренностей и т.п.) признаются допустимыми и даже необходимыми. Речь идет в первую очередь о пограничных ситуациях. Скажем, «право человека на собственность может быть сведено к нулю, когда ее захват и использование могут предотвратить явное бедствие: например, если можно использовать машину этого человека для того, чтобы произвести взрыв, в котором она будет уничтожена, но в результате которого удастся отвести наводнение или создать непреодолимую преграду для пожара»²³. Именно обстоятельства, а иногда — «ожидаемые последствия» в значительной степени служат оправданием и обоснованием отступлений. Вопрос о допустимости и недопустимости таких поступков в конкретных обстоятельствах чрезвычайно сложен, разумеется, он не исчерпывается анализом последствий. Для того, чтобы ответить на него, необходимо принимать во внимание общие соображения, но в первую очередь необходимо применение того, что Аристотель называл рассудительностью — умением принимать ответственные решения и поступать в соответствии с ними в конкретных, уникальных и потому не поддающихся ни под какие правила, принципы и законы ситуациях. Ответственность морального субъекта в пограничных ситуациях распространяется в том числе на те последствия, которые не вытекают непосредственно из природы поступка, но оправдывают его совершение в данных обстоятельствах.

Принципиальное отличие этики добродетели от консеквенциализма состоит в том, что согласно ей, оправданные отступления даже в пограничных ситуациях, возможны не для всех поступков. Они невозможны для тех из них, которые представляют собой парадигмальный случай отрицания добродетели. Важная этическая

---

²³ Ibid. P. 13.

задача состоит в установлении и в строгом отделении безусловно неприемлемого от допустимого и, возможно, необходимого в конкретных обстоятельствах. Например, в качестве парадигмального случая несправедливости Энском выделяет наказание за чужую вину. В случае, когда заведомо невиновный человек приговорен к наказанию в результате юридической процедуры, «никакие обстоятельства, никакие ожидаемые последствия, не меняющие описания данной процедуры как юридического наказания человека за то, чего он заведомо не совершал, не могут изменить ее описания как несправедливой. <...> И тот, кто пытается оспорить это, всего лишь делает вид, что не знает значения “несправедливого”, поскольку в данном случае мы имеем дело с парадигмальным случаем несправедливости»²⁴. Этика добродетели, в отличие от консеквенциализма, не дает возможности скрыть существо поступка за формальными характеристиками. Рассуждающий в логике консеквенциализма теоретик, может задаваться вопросами о том, не будет ли «морально правильно» в каких-либо исключительных ситуациях, прибегать к наказанию невиновного. Но никто не способен доказать, что наказание невиновного в каких бы то ни было обстоятельствах может оказаться справедливым.

Поскольку этика добродетели чувствительна к различению безусловно неприемлемого и допустимого в определенных обстоятельствах, ей удается избежать тех изъянов, которые свойственны не только консеквенциализму, но и моральному ригоризму. Образцом морального ригоризма для Энском служит рассуждение Канта о недопустимости лжи как таковой ни при каких обстоятельствах, даже ради защиты друга от нападения со стороны злоумышленника и убийцы, ради спасения друга от верной смерти. Этика добродетели следует методу, который может привести человека к необходимости в морали «сделать уступку на периферии, но не позволит разрушить центр»²⁵. Этот метод требует при принятии решения задаваться вопросом о существовании действия — не является ли оно убийством невиновного или проявлением неспра-

---

²⁴ Ibid. P. 16.

²⁵ Ibid. P. 10.

ведливости и т.д., т.е. о том, не является ли оно парадигмальным воплощением порока. Если предполагаемое действие является таковым, моральный субъект ни при каких условиях не должен его совершать. В противном случае он будет нести полную ответственность за поступок как таковой, к каким бы положительным последствиям он ни привел. Если же рассматриваемое действие не является безусловно не допустимым, перед моральным субъектом раскрывается спектр возможностей, на основе рассмотрения которых ему предстоит совершать выбор с учетом обстоятельств, собственных способностей, особенностей вовлеченных в ситуацию людей, предполагаемых последствий и т.д. Предмет ответственности в данном случае оказывается более широким и менее определенным, он вбирает все те многочисленные подробности, которые моральный субъект должен и способен принять во внимание при совершении выбора.

Получается, что в предлагаемой Энском концепции по существу речь идет о двух видах ответственности, которые определяются характером поступка. В случае безусловно недопустимого поступка моральный субъект несет ответственность за поступок как таковой, не взирая на последствия. В случае поступков, которые не являются безусловно недопустимыми, моральный субъект несет ответственность за принятие адекватного конкретным обстоятельствам решения. Учет возможных последствий в данном случае также включен в сферу ответственности.

Главная сложность при таком подходе состоит в определении круга безусловно недопустимых поступков. Энском, будучи католичкой, помимо наказания за чужую вину, предательства, убийства невиновного, в их число включает прелюбодеяние, идолопоклонство, ложное пророчество, содомию²⁶. По ее логике, гомосексуализм в той же мере неприемлем с моральной точки зрения, что и предательство или убийство невиновного. Совершенно очевидно, что некоторые из тех поступков, которые Энском считает безусловно недопустимыми, в представлении человека современной культуры не являются таковыми и не в силу мораль-

---

²⁶ См.: Энском Э. Современная моральная философия // Указ. изд. С. 80.

ной развращенности, а в силу переоценки таких поступков как самих по себе морально нейтральных, при том, что сугубо индивидуальное (эстетическое) отношение к ним может быть разным. Попытки определения круга безусловно недопустимых поступков предпринимаются и сегодня, однако согласие в этой сфере оказывается труднодостижимым.

Литература

1. Энском Э. Современная моральная философия // Логос. 2008. № 1. С. 70–91 (*Anscombe G.E.M. Modern Moral Philosophy // Philosophy: The Journal of the Royal Institute of Philosophy. 1958. Vol. XXXIII. № 124. P. 1–19*).
2. Sidgwick H. The Methods of Ethics. 7th ed. Indianapolis–Cambridge: Hackett Publishing Company, 1981.

Virtue and responsibility

OLGA ARTEMYEVA
Department of Ethics
Institute of Philosophy
Russian Academy of Sciences
ethics2004@mail.ru

ABSTRACT: The paper reconstructs and analyses the critical arguments put forward by virtue ethics against the interpretation of the concept of responsibility in ethics that focuses on of principles and rules. The author demonstrates that virtue ethics itself faces a number of theoretical difficulties. These difficulties are associated in particular with the specification of unconditionally impermissible actions.

KEYWORDS: virtue, responsibility, virtue ethics, ethics principles.

References

1. Jenskoma J. Sovremennaja moral'naja filosofija / Per. s angl. A. Chernjaka // Logos, 2008, № 1. S. 70–91 (*Anscombe G.E.M. Modern Moral Philosophy // Philosophy: The Journal of the Royal Institute of Philosophy. 1958. Vol. XXXIII, № 124. P. 1–19*).
2. Sidgwick H. The Methods of Ethics. 7th ed. Indianapolis–Cambridge: Hackett Publishing Company, 1981.